

«ВИЗУАЛЬНАЯ СРЕДА ГОРОДА»

В. А. Филин

Московский центр «Видеоэкология»

Urban Visual Environment

V. A. Filin

Moscow Centre «Videoeecology»

На основании собственных исследований сформулировано новое научное направление — видеоэкология, являющаяся областью знаний о взаимоотношении человека с окружающей его видимой средой. Это наука о красоте и экологии визуальной среды, т. е. о красоте и обо всем, что человек воспринимает через орган зрения. Показаны негативные моменты в формировании визуальной среды города, интерьеров жилых и производственных помещений. С позиции видеоэкологии даны рекомендации по созданию комфортной визуальной среды.

On the basis of our research we formulated the concept of videoeecology. Videoeecology is a new scientific direction in the field of an interaction of a human being and visual environment. Videoeecology deals with the beauty and ecology of visual environment, i.e. the beauty and everything a person perceives with his organ of vision. Negative processes in creating of urban visual environment, interiors of apartments and industrial buildings are shown. Recommendations on the creating of comfortable visual environment from the point of view of videoeecology are given.

Визуальная среда — один из главных компонентов жизнеобеспечения человека. До тех пор, пока человек большую часть времени пребывал в естественной природной среде, проблем в области видеоэкологии практически не было. Более того, говоря словами поэта А. Белого, «душа пила из глаз алмазный ток окрест». Процессы урбанизации полностью исключили возможность наслаждаться окружающей средой, а вместо «алмазного тока окрест» человек получил гомогенную и агрессивную среду, которая, будучи противоестественной, не только не доставляет эстетического наслаждения, но и порождает большое число социальных проблем. Среди проблем экологии человека одной из актуальных является видеоэкология, изучающая взаимодействие человека с окружающей визуальной средой. С этим утверждением солидарны многие специалисты в области экологии. «На первом месте, — пишет ведущий специалист в области урбоэкологии А. Н. Тетиор (2002), — по степени влияния на человека, вероятно, находится видимая им окружающая среда» (с. 158).

С нашей точки зрения, к созданию противоестественной визуальной среды привели следующие причины: революционные подходы в решении градостроительных вопросов, ошибочные эстетические позиции специалистов, взгляды которых базировались на индустриальных методах и борьбе с излишествами, быстрый рост городов, когда практически не хватало

творческого потенциала архитекторов, быстрый рост строительной индустрии с ее автоматизированными линиями по производству одинаковых строительных материалов, отторжение человека от естественной природы и, наконец, отставание науки видеоэкологии. На последней причине нам хотелось бы остановиться более подробно. Это связано с тем, что если бы архитекторы в своем творческом процессе руководствовались законами зрительного восприятия, то можно с уверенностью сказать, таких крупных просчетов в формировании городской визуальной среды можно было бы избежать.

Нам могут возразить, что нареканий на современную архитектуру было достаточно и раньше. Да, это так. Однако в основном нарекания эти носили субъективный характер: «безликие коробки», «чудовищная геометрия», «технократия», «среда изранена непонятными и чуждыми формами» (Вуек, 1990; Гутнов, 1993) и т. п. За небольшим исключением (Беляева, 1987), по существу не было попыток дать анализ визуальной среды, в которой оказались горожане, в ее интегративном выражении. С другой стороны, те исследователи, которые все же касались механизма зрительного восприятия современной архитектуры, базировались на устаревших представлениях. Они не учитывали, что глаз работает в активном режиме, он сам ищет, за что бы «ухватиться» в городской среде, что бы такое «поймать», на что «наброситься». Говоря научным языком, глаз

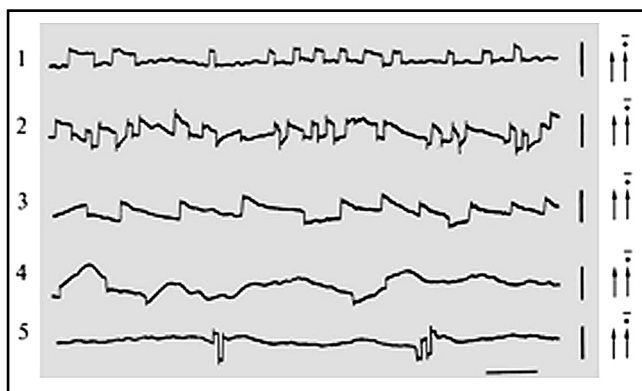

Рис. 1. Типы саккадических движений глаз при фиксации неподвижной точки.

1 — «П-образный» тип; 2 — саккадический тип; 3 — оптокинетический тип; 4 — дрейфовый тип; 5 — взрывной тип. Вертикальная линия-калибровка 1 угл. град, горизонтальная — время 1 с, t — интервал между саккадами, A — амплитуда саккады. Левая и правая стрелки соответствуют левому и правому глазам; точка и линия над стрелкой — фиксирующий и регулируемый глаз соответственно.

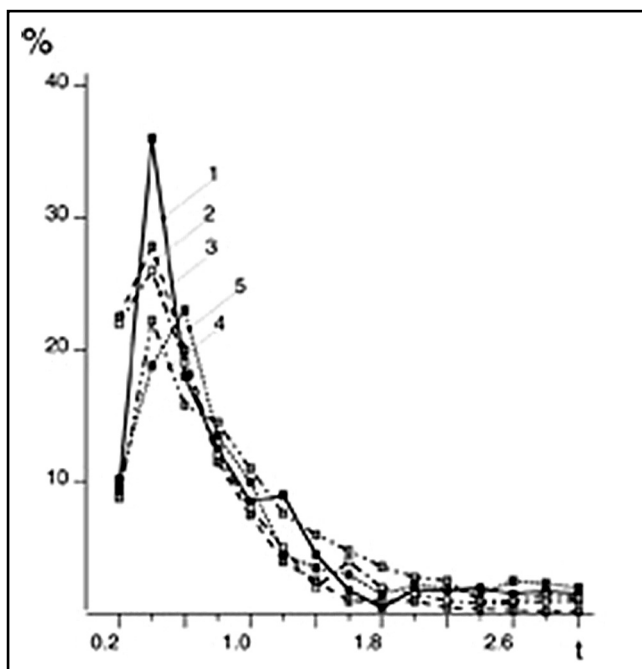

Рис. 2. Распределение интервалов между саккадами при различных условиях регистрации движений глаз.

1 — быстрые движения глаз у новорожденных ($N=470$, $n=7$, 82,1%); 2 — быстрые движения глаз у взрослых ($N=2343$, $n=3$, 90,5%); 3 — фиксация неподвижной точки ($N=2362$, $n=11$, 89,4%); 4 — фиксация мнимой точки в темноте ($N=1215$, $n=8$, 71,5%); 5 — свободное рассматривание картины И. И. Левитана «Большая вода» (Ярбус, 1965). По оси ординат — проценты, по оси абсцисс — время, с; N — число отработанных интервалов; n — число испытуемых, % — процент интервалов до 1 с.

сканирует окружающую среду. Такая активность глаза достигается за счет природы его быстрых движений — саккад (рис. 1).

Саккады совершаются постоянно, помимо нашей воли, как с открытыми, так и с закрытыми глазами, как во время бодрствования, так и во время сна (Филин, 1987, 1990, 2002). Суммарное число саккад при разных условиях имеет сопоставимые значения (рис. 2).

На основании этих данных нами была сформулирована концепция об автоматии саккад (Филин, 1987, 2002). Это означает, что в преобладающем большинстве саккада является первичной, а то, что глаз увидит после саккады — вторичным. При этом после саккады глазу непременно нужно остановиться на каком-то элементе, иными словами, после саккады глаз должен за что-то «зацепиться». Как только это происходит, глаз успокаивается, и амплитуда его саккад уменьшается до минимальных значений, число же саккад остается прежним. Через 2—3 с глаз еще раз сканирует окружающую среду несколькими саккадами и вновь останавливается на какой-либо детали, минимизируя амплитуду саккад.

Существуют отдельные случаи, когда саккада является вторичной, например в качестве реакции на световую вспышку. Для фиксации взгляда на объекте, появляющемся в поле зрения, саккадический центр выбирает саккаду соответствующей амплитуды и ориентации, точнее — осуществляется их модуляция, а интервал задается в прежнем виде.

У человека, увидевшего объект, первые саккады не имеют строгой привязки к конкретному месту. Автоматия саккад — это процесс стохастический, следовательно, и первые саккады имеют случайную ориентацию. Позже, после нескольких саккад, внимание человека может привлечь некая доминанта, к примеру шпиль здания, боковые выступы, колонны и т.п. Обежав первый раз по этим элементам, маршрут движений глаз может повториться. Если здание имеет прекрасный вид, то куда бы глаза не смотрели, каждая саккада делает свое важное дело — приносит в душу квант красоты. В это время саккады «сыпятся» сами по себе. Пользуясь военным языком, саккады осуществляют «ковровую бомбардировку». Здание является квадратом поражения. При этом не по всему зданию и обязательно с учетом узловых композиций.

Концепция об автоматии саккад является новым представлением о зрительном восприятии окружающей среды. Именно это и позволило нам рассмотреть проблему видеоэкологии. С позиции новых знаний мы проанализировали визуальную городскую среду: выделили в ней поля, не соответствующие автоматии саккад и другим механизмам зрения.

Таким образом, можно сказать, что видеоэкология базируется не на субъективных высказываниях, а на закономерностях зрительного восприятия. В этом и заключается принципиальное отличие нашего анализа современной архитектуры от прежних нареканий в ее адрес.

Большую неприятность горожанам доставляют гомогенные и агрессивные видимые поля. Гомогенное

Рис. 3. Голый торец создает гомогенное видимое поле в городе. Глаз «скользит» по стене, но не может «зацепиться» за нее, так как отсутствуют детали для фиксации взгляда (фото автора).

поле представляет собой поверхность, на которой либо отсутствуют видимые элементы, либо их число минимально. Примерами гомогенных полей в городской среде являются панели большого размера, монолитное стекло, подземные переходы, асфальтовое покрытие, глухие заборы и крыши домов (рис. 3.).

В квартирах гомогенные поля начинаются с гладкой входной двери, продолжают полированными

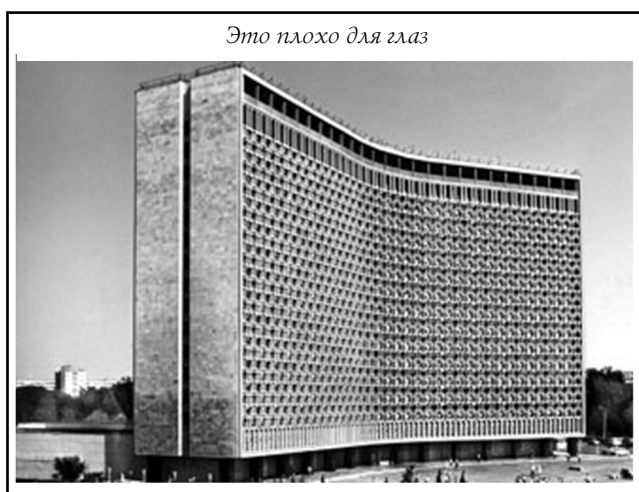

Рис. 4. Большое число одинаковых окон гостиницы «Узбекистан» создает агрессивное поле огромного размера, на которое практически невозможно смотреть.

стенками и шкафами и заканчиваются гладким пластиком на кухне.

Агрессивное видимое поле — это поле, на котором рассредоточено большое число одних и тех же элементов (рис. 4).

Такую среду создают многоэтажные здания с большим числом окон на стене, навесные вертикальные русты, панели домов, облицованные стеклянной «ириской», стены, облицованные кафельной плиткой, кирпичная кладка с потайным швом, двери, обитые «вагонкой», а также всевозможные решетки, сетки, дырчатые плиты, гофрированный алюминий, шифер и т. п. В городских условиях нередко одно агрессивное поле налагается на другое, к примеру стена дома с навесными рустами за металлической решеткой.

В агрессивной и гомогенной среде не могут полноценно работать фундаментальные механизмы зрения, такие как автоматия саккад, бинокулярный аппарат, конвергенция, on- и off-системы и зрительные центры. В частности, в гомогенной среде нарушается обратная связь между сенсорным и двигательным аппаратами, так как после очередной саккады перепад освещенности на фоторецепторах глаза недостаточный. Соответственно и в мозг после саккады идет минимальный импульс, недостаточный для надежного срабатывания обратной связи. Иными словами, произошло действие — саккада, но нет подтверждения этому действию, в результате чего зрительные центры и нервная система в целом оказываются в заблуждении. Это в свою очередь вызывает ощущение дискомфорта. Длительное пребывание человека в такой среде ведет к нарушению автоматии саккад.

Декор зданий — это не «архитектурные излишества», о чем так много написано в нашей литературе. Это необходимые функциональные элементы, составляющие основу визуальной среды. Без них невозможна полноценная работа глаз. Так же, как в воздухе должно содержаться достаточное количество кислорода, так и в видимой среде должно быть достаточное число элементов. Изобилие одних и тех же элементов в видимой среде — окон на стене большого дома, кафельных плиток или реек — можно сказать, «вырубает» полностью такой мощный сенсорный канал, каким является зрительный анализатор, так как глаз просто «не знает», какой конкретно элемент он фиксирует. Ничего подобного не бывает в естественной среде. В природе, если глаз смотрит на что-то, то он «знает», на что. Зрительный аппарат в этом случае правильно оценивает окружающую обстановку, а сам человек правильно оценивает действительность и соответственно легко и быстро ориентируется в ней.

В последнее время во всех крупных городах увеличилось число психических заболеваний. Специалисты называли это заболевание «синдромом большого города», который нередко проявляется в агрессивности человека. Среди множества факторов противоестественная видимая среда вносит, по нашему мнению, свой вклад в

Это плохо для глаз

Так теперь строят везде

Рис. 5. Факультет дизайна Университета искусств в г. Глазо (Шотландия).

Это плохо для глаз

Так теперь строят везде

Рис. 6. Здание Государственной Думы РФ в центре Москвы (фото автора).

рост числа психических заболеваний. Здесь уместно напомнить высказывание Авиценны: «Все, что природа накопить сумела, незримо входит в природу тела». Если и дальше строить города так, как мы делаем это в наши дни, то психиатрические больницы в городах нужно строить в десятки раз быстрее.

В процессе зрительного восприятия глаза после саккады нередко останавливаются на декоративных элементах, имеющих функциональное значение. Одна из первых наших публикаций в газете так и называлась: «Такие нужные излишества» (приложение 2—9). Однако в преддверии конструктивизма были дебаты о дисфункциональности украшений, инициируемые архитектором А. Лоосом (1870—1933) и поддержанные баухаузовцами. Это была едва ли не одна из первых фундаментальных идей рациональной эстетики, под влиянием которой сложился исполненный аскетизма стиль «интернациональной архитектуры». С тех пор дисфункциональность украшений однозначно считалась аксиомой. В нашей стране соответствующее постановление ЦК КПСС (1955) уже в командном порядке запрещало использование декоративных элементов. За это время искусствоведение ни разу не подвергло критике и не сосредоточило внимание на функциональности украшения. Видимо, невозможно было разрешить эту проблематику путем традиционного искусствоведческого анализа. Наши данные из области физиологии зрения дают искусствоведам необходимую систему доказательств о функциональных свойствах архитектурных элементов. Это не излишества, а предусмотренные природой зрительного восприятия функциональные элементы, необходимые для полноценной работы глаза.

Читатель вряд ли сможет догадаться, что это за здания, приведенные на двух фотографиях; для какой

цели они были построены, и в какой стране (рис. 5, 6.). Затруднения связаны с тем, что внешний вид зданий имеет много общего: много прямолинейных конструкций, нет ни одной кривой линии, много прямых углов и оба здания имеют большие плоскости. Интернациональный стиль архитектуры доведен до своего максимума, а между тем, это не рядовые объекты.

В одном здании размещается Государственная Дума РФ и находится оно в самом центре Москвы в ста метрах от Кремля. Ранее в этом здании располагался Госстрой СССР, который строил это здание для себя. Деньги и материалы были в достаточном объеме, могли бы развернуться во всю ширь градостроительного искусства и украсить своим детищем столицу. Но, к сожалению, этого не произошло, визуальной среде Москвы нанесен вред. Беда в том, что этот вред нанесли ведомства, которые были ответственны за формирование благоприятной визуальной среды в городах на всей территории бывшего СССР.

В другом здании находится факультет дизайна Университета искусств в Глазго (Шотландия), который также строили для себя и также могли бы проявить себя в области искусств в полном объеме, но и в благоприятной Шотландии этого не произошло. Факультет готовит специалистов по формированию благоприятной визуальной среды для всей страны. Впитав в себя конструктивизм собственного факультета, воспитанники его, по-видимому, будут внедрять то же самое повсеместно. Вопрос только в том, принесет ли радость такой дизайн потребителям.

Сбывается тысячелетняя мечта рационального в архитектуре и она увлекает по ложному пути огромный интеллектуальный потенциал. Теперь сюжет фильма «С легким паром» Э. Рязанов мог бы развиваться в городах двух стран, в которых любой человек может легко заблудиться, потеряться и запутаться.

Совершенно очевидно, что градостроительный процесс носит стихийный характер, он захватил многие страны. И если осознанно не вмешаться, не регулировать его и не оказывать сопротивление, то он может привести к глобальным социальным последствиям.

Не всем нравилась рациональная архитектура в самом начале ее зарождений. Были протесты во всех слоях общества и во многих странах. Большое влияние на общественное мнение оказал художник Ф. Хундертвассер (1928—2000). В манифесте архитектурного бойкота он писал: «Почему я выбрал Вену, чтобы совершить нападение на это вредоносное строительство подобных тюрьмам коробок — и именно потому, что я австриец. Это обстоятельство дает мне моральное право поступать именно так. Ведь именно из Австрии такое архитектурное преступление вышло в мир. Именно из Австрии должно начинаться обновление. Это кошмарное уродство внес в наш мир

австриец Адольф Лоос. Сделал он это в 1908 году» (Ранд Гарри, 2005). Чтобы привлечь внимание к своему манифесту Хундертвассер вышел на улицу в обнаженном виде. Акция протеста прошла шумно, подробно освещалась в печати. Много было и других выступлений, художник был последовательным борцом с вредоносным строительством и клеймил позором вдохновителей кошмарного уродства: «Мышление «БАУХАУС», лежащее в основе жилищной архитектуры, может быть названо бесчувственным, беспощадным, диктаторским, бессердечным, агрессивным, безликим, стерильным, лишенным красоты, холодным, непоэтичным, неромантическим, безымянным и до зевоты скучным. Иллюзия функциональности». Эти хлесткие слова, казалось, могли бы остановить сам процесс конструктивизма. Однако этого не произошло, и по сей день (спустя 38 лет) он процветает во всех странах. Выступления Ф. Хундертвассера и его труднопроизносимую фамилию мало знают даже специалисты, а число поклонников конструктивизма растет с каждым годом.

Проблема видеоэкологии не исчерпывается экологическими аспектами. Дело в том, что агрессивная среда побуждает человека к агрессивным действиям. Как правило, в новых микрорайонах с противоестественной визуальной средой число правонарушений больше, чем в центральной части города. Это значит, что не только психиатрические больницы нужно строить в десятки раз быстрее, но необходимо также увеличивать штат милиции. Совершенно очевидно, что ошибки, допущенные в экологии человека, всякий раз приобретают глобальный характер.

Архитектура — это долговечный, дорогостоящий и материалоемкий пласт культуры, в котором материализованы гигантские физические и интеллектуальные усилия цивилизованного общества. Эти усилия не должны быть напрасными. Прежде всего объекты архитектуры должны радовать глаз. Они должны положительно воздействовать в эмоциональном и нравственном отношении на человека, который находится под их влиянием всю жизнь и, конечно, они не должны наносить ущерб здоровью горожанина.

В последние годы в Москве и других городах России ведется интенсивное строительство; возводятся жилые элитные дома, офисы богатых компаний, дорогие гостиницы, магазины, рестораны и центры развлечения. К сожалению, этот строительный бум еще больше ухудшает визуальную среду города. Когда же масштабы бедствия будут осознаны, придется многое сносить. В Москве за 10 лет снесено около 600 объектов по программе комплексной реконструкции. По нашему мнению, большая часть сносится по причине визуальных характеристик — это агрессивные здания с большим числом прямых линий и прямых углов. Именно к таким агрессивным зданиям можно с полным правом отнести гостиницы «Интурист» и «Спорт». Действия власти были бы понятными, если

бы сносили агрессивные здания и не возводили ничего подобного. Однако это не так.

Архитектура воздействует на человека постоянно и большей частью подсознательно. Справедливо писал Виктор Пелевин в «Антологии детства»: «То, что видишь каждый день много лет, постепенно превращается в памятник тебе самому... видеть — на самом деле значит накладывать свою душу на стандартный отпечаток на сетчатке стандартного человеческого глаза». Если на душу человека «накладывается» соседний дом агрессивного вида, то и «памятник себе самому» превращается в многоглазое чудовище.

По мнению Аристотеля, город должен предоставлять людям безопасность и одновременно делать их счастливыми. К сожалению, это правило нарушалось во все времена, а в последние 50 лет о нем, видимо, вообще забыли. В итоге человек стал жертвой своего творчества, окружив себя агрессивной визуальной средой.

Город является живым организмом и, как любой другой организм, он постоянно обновляется. Принцип формирования города с позиций комфортной визуальной среды мог бы стать той «идеей города», которая объединила бы всех его жителей. Все, что проектируется для человека, должно удовлетворять, по меньшей мере, физиологическую потребность его зрения. До тех пор, пока проектировщик не ориентирован на конечный результат своей работы, его проекты будут задуманы с очевидным пренебрежением к законам зрительного восприятия и в особенности к автоматии саккад, обеспечивающей постоянное сканирование окружающей среды. «Охватить пространство, познать как его видеть, — вот где ключ к правильному пониманию задания» (Бруно Дзеви, цит. по Лихачевой, Смирновой, 1994). В старые времена многим зодчим удавалось такое понимание. Достигалось это нередко не только охватом пространства, но и многообразием форм, линий, многоярусностью, разноэтажностью зданий, малыми размерами плоскостей и различными декоративными элементами. Одним словом, все делалось для достаточного насыщения объекта видимыми элементами, стараясь как бы «угодить» автоматии саккад.

С другой стороны, такое насыщение было не в ущерб эстетическим достоинствам, так как разнообразие деталей является объективной основой красоты объекта. Совершенно очевидно, что только из прямых углов и прямых линий, которые глаз «не любит» и которые преобладают в современной архитектуре, невозможно создать красивый объект и, уж конечно, сложно создать комфортную визуальную среду города. Скорее это будет зрительная какофония, характеризующая худшим сочетанием сенсорных раздражителей.

Декоративные детали в архитектуре — это не излишества, как утверждалось в Постановлении ЦК КПСС, вышедшем в ноябре 1955 г. («Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»). Это необходимые элементы для формирования визуальной среды. Не случайно архитекторы применяли их в течение

многих веков. Они имеют функциональное значение, они нужны для проявления автоматии саккад так же, как воздух для автоматии дыхания. Тот, кто первый сказал об «архитектурных излишествах», нанес всем нам вред: Пострадала не только эстетическая сторона, но нависла угроза над фундаментальными механизмами зрения и жизнью горожан. Человек миллионы лет жил в естественной видимой среде, 90% своей истории он провел в полном единении, гармонии с природой. И вот теперь, в XXI в., он оказался в совершенно необычном окружении — в каменно-асфальтовых джунглях.

До последнего времени проблематика теоретических исследований несет на себе печать традиционного подхода к архитектуре, как к объемному проектированию, и игнорируются общие вопросы градостроительства, в том числе и вопросы визуальной среды. Отсутствие полноценной теории не дает возможности получить эффективные и обоснованные практические рекомендации. Эту причину осознают многие архитекторы. Вот что по этому поводу пишет А. Гутнов (1993): «Необходимо направить все усилия на разработку архитектурной теории нового типа, опирающейся на знания общих закономерностей создаваемой человеком искусственной среды, механизмов ее формирования и развития». Стоит, видимо, напомнить, из чего же создается искусственная среда вообще и городская среда, в частности. Основу среды обитания человека составляют такие компоненты, как воздух, вода, температура, уровень шума, радиации, геомагнитные поля. Однако все эти компоненты к теории архитектуры при всей их важности имеют косвенное отношение, так как архитектура в прямом ее понимании — это внешний облик зданий. Это объект, на который мы смотрим глазами, или, говоря словами архитектора Мельникова, «...архитектура — это игра для глаз». Следовательно, «разработка архитектурной теории нового типа» должна вестись с учетом требований видимой среды. И опираться она должна на общие закономерности зрительного восприятия.

Нам чрезвычайно приятно напомнить, что с глубоким пониманием относился к данному вопросу еще в 20-е годы архитектор Н. Ладовский. «Архитектор, — писал он, — должен быть, хотя бы элементарно, знаком с законами восприятия и средствами воздействия, чтобы в своем мастерстве использовать все, что может дать современная наука. Среди наук, способствующих развитию архитектуры, серьезное место должна занять молодая еще наука «психотехника». Не будем спорить с терминологией тех лет, главное — суть, которая во многом совпадает с нашей точкой зрения, поскольку и видеоэкология и психотехника базируются на законах зрительного восприятия. Справедливости ради следует заметить, что о самих законах в наше время известно больше, чем в 20-е годы. В частности, нам известно, что основой зрительного восприятия является автоматия саккад. Впрочем, подход Н. Ладовского был правильным, и если бы он получил развитие, то при формирова-

Рис. 7. Выставка работ студентов Московского архитектурного института. Ученики, как и учителя, создают свои творения исключительно из прямых линий.

нии городской среды многих ошибок можно было бы избежать.

Там, где законы зрительного восприятия были соблюдены в полном объеме, нет нареканий и на архитектуру. Возьмем, к примеру, Новодевичий монастырь, на территории которого человек чувствует себя комфортно, хотя по состоянию воздуха, воды, а также по уровню шума и радиации данная территория ничем не отличается от остальной части Москвы. Замените мысленно монастырские храмы на современные «коробки», и Вы почувствуете весь ужас современного города и поймете основную проблему архитектуры, которая базируется на удовлетворении физиологических потребностей зрительного восприятия и эстетических норм. Если мы научимся соблюдать эти требования, то решим многие вопросы архитектурной теории. В самом общем виде теория архитектуры укладывается в триаду Витрувия: польза, прочность, красота. Можно с уверенностью сказать, что мы научились делать прочно, в большинстве случаев инженерные вопросы градостроительства решаются успешно. Мы умеем делать дома с удобствами: лифт, газ, вода холодная и горячая, ванная, туалет, мусоропровод стали нормой нашего быта. Но мы, к сожалению, разучились делать красиво. Мы повсеместно нарушаем требования к визуальной среде, фактически в этом вопросе с некоторых пор наступила эра стихийности. Изобилие агрессивной и гомогенной визуальной среды делает современный город практически непригодным для проживания человека. В заслугу современного градостроительства нередко ставится разработка санитарно-гигиенических аспектов и норм инсоляции. Можно сказать, что транспортные и инженерные магистрали также строятся удовлетворительно. Есть уверенность, что мы научимся в скором времени учитывать и геопатогенные зоны.

К сожалению, нет уверенности, что мы научимся так же быстро решать вопросы видеоэкологии. Это связано с тем, что учебники, статьи, СНиПы создали «шо-

Это плохо для глаз (учителя)

Рис. 8. Москва, «Аэробус». Это, можно сказать, кристаллическая агрессивность. Здание, безусловно, оригинальное, но явно не соответствующее требованию видеозкологии — вредное для глаз и для души. Кривые линии имеют только деревья и облака (не дошла рука конструктивиста).

ры», ограничивающие профессиональное сознание архитекторов. «Разобраться в ворохе слов и символов, — пишет Якуб Вуек (1990), — которые сегодня означают нечто новое, чем когда они были оглашены впервые, трудно, и требуется немало времени». В студенческих работах нет поиска новых решений (рис. 7.).

С другой стороны, трудно сдерживать натиск строительной индустрии, диктующей свои подходы в градостроительстве (рис. 8.).

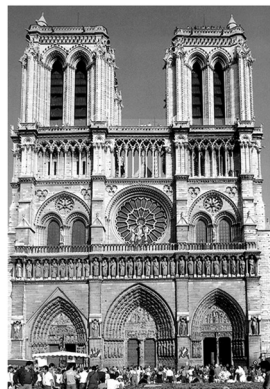
Вот почему разработка вопросов видеозкологии является весьма актуальной. Именно она может быть теоретической базой, способной решить многие ключевые моменты в развитии архитектурной науки. Как всякая теоретическая разработка, это кропотливая работа, но именно она, кажущаяся далекой от нужд сегодняшнего дня, является единственно надежным путем к эффективным практическим рекомендациям.

Видеозкология базируется на законах зрительного восприятия. Глубокие внутренние связи объединяют видеозкологию с искусствоведческой теорией, рассматривающей изобразительный язык как некую систему эстетических предпочтений, основанную на интуитивном отборе. При этом есть основание полагать, что значение видеозкологии позволяет искусствоведам ускорить данный отбор. Теоретические положения визуальной экологии создают определенные предпосылки для выработки рекомендаций для творческой практики, которые позволят малоискушенному автору избежать формообразующего кризиса и деградации среды обитания. Кроме того, это внесет ценный вклад в развитие теории гармоничного формообразования, а также создаст почву для новых форм структурного мышления. Данные экологии визуальной среды могут оказать важное влияние на понимание задач проектной культуры.

Что же делать в создавшейся обстановке? Прежде всего о проблеме видеозкологии должны знать спе-

Это хорошо для глаз

Это плохо для глаз

Так было

Так стало

Рис. 9. Слева — собор Парижской Богоматери, построенный в 1345 г. Справа — одно из зданий в центре Дефанс (1955), состоящее из прямых линий, прямых углов и больших плоскостей (Париж, Франция).

циалисты по экологии, архитекторы, художники, врачи, физиологи, психологи, а также законодательные и исполнительные органы государства (рис. 9). Видеозкология должна стать феноменом массового сознания. Для того чтобы это случилось, видеозкология должна занять соответствующее место в образовательном процессе.

Предмет видеозкологии должен преподаваться в архитектурных институтах, художественных училищах, школах.

Масштабных результатов в улучшении визуальной среды можно будет достичь только при определенных усилиях. Прежде всего необходимо провести анализ и составить карты «загрязнения» видимой среды городов. Такие карты могут дать представление о характере бедствия и позволят разработать мероприятия по изменению ситуации к лучшему. Конечно, при этом необходимо сохранить все ценное — все, что радует глаз. Для создания карт необходимо разработать метод и устройства по оценке визуальной среды.

На государственном уровне должна быть создана программа по расселению. При наших просторах решить эту задачу нам куда легче, чем другим народам. Каждый россиянин может жить «внутри» природы и в полной гармонии с ней. Ни в коем случае не следует увеличивать число городов и их размеры, как это делалось до последнего времени. Мы должны «распластаться» по всей территории России. Наши дома должны быть не выше деревьев. Нам незначит «высовываться» из природы. Мы можем себе это позволить, у нас 14 га на человека.

Иногда мне на лекциях приходится слышать упрек в том, что России в настоящее время не до видеозкологии. Есть много других неотложных задач. Проблем действительно много: падение уровня производства, рост стоимости жизни, инфляция, проблема нравствен-

Это хорошо для глаз

Это плохо для глаз

Так было

Так стало

Рис. 9. Слева — особняк А. Морозова на ул. Воздвиженка (конец XIX — начало XX вв.). Справа — здание на Октябрьской площади, построенное в 60—70-х годах, и так же, как здание в центре Дефанс в Париже, состоящее из прямых углов и больших плоскостей (Москва, Россия).

ности, национальная рознь и войны. Нам кажется, что о причинах, приведших к таким последствиям, правильно написал Ю. Карякин: «Мы оказались на краю пропасти, прежде всего потому, что растеряли любовь к жизни. И спасет нас не только отталкивание от смерти, сколько притяжение к жизни».

Каким же образом создать предпосылки притяжения наших сограждан к жизни? Вот основной вопрос. Можно иметь (рис. 10) в изобилии продовольствие, хорошие больницы, хорошие медикаменты, но если у человека нет «притяжения к жизни», ни о каком активном долголетии не может быть и речи. Если человек не ценит собственную жизнь, то он не ценит и все живое вокруг него и губит леса, реки, животных. Можно, конечно, пойти по испытанному пути и создать при президенте еще один комитет. Например, «Комитет по притяжению россиян к жизни». Но вряд ли такой комитет в состоянии выполнить столь глобальную задачу. К этой задаче необходимо подключить весь интеллектуальный потенциал страны, а именно — ученых, религи-

Литература

- Беляева Е. Д. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия. М.: Стройиздат, 1987. 125 с.
- Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. М.: Стройиздат, 1990. 289 с.
- Гутнов А. Города и люди. М.: МП «Ладья», 1993. 320 с.
- Тетиор А. Н. Экологическая инфраструктура. М. Мос. Гос. ун-т Природообустройства, 2002. 420 с.
- Филин В. А. Влияние нарушения зрения на микродвижения глаз. Дефектология. 1987 а. № 5. 79—85.

озных деятелей, деятелей культуры и искусства, преподавателей. В решение данной задачи значительный вклад может нести видеоэкология. Мы стали обладателями принципиально нового знания, в корне меняющего наше представление о градостроительной политике.

На наш взгляд, притяжению к жизни может способствовать комфортная визуальная среда. Жизнерадостность жителей южных берегов Элады, Италии и других благоприятных уголков Земли объясняется именно комфортной видимой средой. Окружающая красота — это ключ к решению многих проблем, она может наполнить содержанием жизнь и «притянуть» человека к жизни. Именно к созданию красоты и должны стремиться архитекторы и другие специалисты, ответственные за среду города. Не сказал же Ф. Достоевский, что изобилие продуктов спасет мир, или изобилие материальных благ спасет мир, он сказал: «Красота спасет мир». Это утверждение можно оценить как крупное научное открытие, к реализации которого мы еще не приступили. Изобилие продуктов может обеспечить физиологическое благополучие человека, но оно не может гарантировать притяжения к жизни, тогда как красота обладает универсальным воздействием на душу человека, и она-то в силах выполнить такую задачу. Развивая свое выражение, получившее широкую известность, Достоевский писал: «Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит есть и потребность здоровья, нормы, а, следовательно, тем самым гарантировано и высшее развитие этого народа». Совершенно очевидно, что невозможно пробудить потребность красоты в народе, окружив его повсеместно агрессивной визуальной средой. Люди должны находиться в комфортной визуальной среде постоянно. Только таким путем и можно выработать потребность к красоте у россиян, и тем самым можно будет добиться их высшего развития. В решении этой глобальной проблемы видеоэкология может быть методологической основой. Принципы и методы видеоэкологии позволяют не стихийно, как делалось до последнего времени, а осознанно формировать визуальную среду городов России, полностью соответствующую физиологическим нормам зрения.

Филин В. А. Закономерности саккадической деятельности глазодвигательного аппарата. Автореф. дис. д-ра биол. наук, М.: 1987 б. 44 с.

Филин В. А. Архитектура как проблема видеоэкологии. Архитектура и культура. М.: ВНИИТАГ, 1990 б. 119—123.

Филин В. А. Автоматия саккад. М.: МГУ, 2002. 240.

Филин В. А. Видимая среда в городских условиях как экологический фактор Урбоэкология. М.: Наука, 1990 в. 45—61.

Филин В. А. Цветовая среда города как экологический фактор Колористика города (Мат-лы междунар. семинара. 22—25 мая 1990 г.) М. 1990. Т. 1. 55—60.